

18+

Елена Машкина

Дети Нибиру

Судьбоносный путь

Ловцы снов

Елена Машкина

**Дети Нибиру. «Судьбоносный
путь» и «Ловцы снов»**

«Издательские решения»

Машкина Е.

Дети Нибиру. «Судьбоносный путь» и «Ловцы снов» /
Е. Машкина — «Издательские решения»,

«Я думала, что ищу сны. А оказалось, что сны искали меня.» Диалогия о девушке, чьи сны — врата в другую реальность. Она помнит прошлые жизни, слышит чужие мысли, движет предметы силой взгляда и мгновенно перемещается в пространстве. В поисках себя она отправляется в путешествие сквозь время и тайны древнего манускрипта. Две книги — один путь к истине.

© Машкина Е.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дети Нибиру. Судьбоносный путь	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дети Нибиру «Судьбоносный путь» и «Ловцы снов»

Елена Машкина

© Елена Машкина, 2026

ISBN 978-5-0070-6539-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту диологию я посвящаю своей семье — тем, кто составляет мою вселенную.

Прежде всего — моим четырём звёздам: Кристиночке, Машеньке, Катюше и Настюше. Спасибо вам, мои девочки, за то, что однажды вы выбрали меня своей мамой. Я не перестаю удивляться этому чуду и благодарю судьбу за каждую из вас. Вы такие разные — и каждая неповторима, как узор на крыле бабочки. Вы пришли в этот мир не случайно — как дети далёкой Нибиру, у каждой свой судьбоносный путь, своя тайна, своя миссия. Идите по нему смело, храните достоинство в испытаниях и помните: ваше счастье — мой главный оберег.

И рядом с нами — мой любимый муж Илья, самый верный друг и надёжная опора. Ему — моя безмерная признательность. Ему — тоже эта книга.

Предисловие

Мы привыкли называть их «плодом воображения». Удобная, безопасная формула, не правда ли? Когда наутро от захватывающего путешествия или полёта над первозданной Землёй не остаётся ничего, кроме липкого комка тревоги или смутной улыбки, мы пожимаем плечами: «Просто приснилось». Мы открываем окна реальности и возвращаемся к делам.

Но что, если мы обманываем себя? Что, если сон — это не бред уставшего разума, не хаотичное переживание прожитых событий, а единственный настоящий мост через пропасть по ту сторону жизни? Засыпая, человек не выдумывает миры — он забывает о барьерах и на миг становится тем, кто способен в эти миры заглянуть. Воображение здесь лишь переводчик, жалкий стенографист, который пытается записать увиденное слабым языком образов.

Взгляните на спящего в лунном свете. Его веки подрагивают, зрачки бегают под тонкой кожей. Где он сейчас? Учёный скажет: в фазе быстрого сна. Мудрец промолчит. А я вам скажу так: нет ничего более реального, чем то, во что мы не в силах поверить наяву.

В древности люди знали: во сне душа покидает тело. Её не удержишь ни цепями, ни стенами. Она уходит туда, где время течёт вспять, где статуи дышат, а тени хранят память о тех, кого никогда не существовало. Или — кто существовал всегда, но мы разучились их видеть.

Эта книга не о снах. Эта книга — из снов. Она о девушке, которая помнит прошлые жизни, слышит чужие мысли, движет предметы силой взгляда и мгновенно перемещается в пространстве. Она не искала свой дар — он сам нашёл её. Ей предстоит отправиться на поиски древнего манускрипта, хранящего тайну Ведунов — хранителей равновесия между мирами. Её ждут города и сны, которые становятся явью, и дверь, которая изменит всё.

Я не прошу вас верить мне. Я приглашаю вас вспомнить. Вспомните свой самый странный сон — тот, где правила нашего мира не работали, но была своя, жестокая и прекрасная логика. Вспомните чувство, когда вы просыпаетесь с чётким знанием: там всё настоящее. А здесь — лишь бледная копия, суета сует.

Так что же такое сон? Тюрьма ли нашего подсознания или единственный ключ от двери, которую мы тщетно ищем в стене собственной спальни?

Ответ, как всегда, там. Между стуком собственного сердца и тишиной перед рассветом. Переверните страницу. Пора туда вернуться.

Дети Нибиру. Судьбоносный путь

«Мы привыкли думать, что сон — это убежище от реальности. А что, если реальность — это убежище от сна?»

Глава 1

Дудук зазвучал ещё до того, как я осознала, что нахожусь здесь. Эта мелодия была не просто звуком — она была нитью, которая вела меня сквозь туман, и я не могла понять, иду ли я за ней или она течёт сквозь меня. Она струилась из фиолетовой дымки гор, и каждый звук касался моей души, словно кто-то нежно проводил пальцем по струнам моего сердца.

Я стояла на тёплом голубом песке, и впервые за долгое время — или вечность — я чувствовала, что моё тело и разум соединены. Надо мной сияло небо, такое чистое, что его цвет впитывался в воду озера, и казалось, воздух сам светится изнутри. Я подняла голову и закрыла глаза, впуская в себя этот свет. Он был тёплым, густым, словно жидкий мёд, и я чувствовала, как он проникает в каждую клетку, согревая даже те уголки души, которые я считала замёрзшими.

— Где я? — прошептала я, и мой голос растворился в тишине, не нарушив её покоя.

В ответ — только лёгкое дыхание ветра и далёкий крик птиц. Я открыла глаза и огляделась.

Горы вставали передо мной, точно спящие великаны, облачённые в бархат. Их склоны переливались — ультрамарин у подножия, фиолетовый выше, а вершины таяли в лиловой дымке, словно кто-то коснулся их кистью, пропитанной лёгким туманом. Я заметила, как их отражение дрожит в озере, и на мгновение мне показалось, что горы не просто отражаются — они *живут* в воде, дышат вместе с ней, и каждый выдох рождает тонкое марево над поверхностью. Я смотрела на это зрелище и не могла отвести взгляда. На Земле я видела много красивых мест — Альпы, Байкал, океанские закаты. Но здесь красота была иной. Она была не просто зрелищем — она была *сутью*. Я чувствовала, как она проникает в меня, перестраивает мои мысли, успокаивает беспокойство, которое я носила в себе всю свою земную жизнь.

Солнце грело мои плечи, и его лучи касались кожи, словно нежные пальцы. Я подставила лицо им, и в груди разлилось удивительное ощущение безопасности, которого я не испытывала очень давно. Здесь не было страха, не было тревоги о завтрашнем дне. Был только этот миг, полный тепла и света, и я позволила себе просто быть в нём.

Но дудук не умолкал. Он вёл меня дальше, к озеру, и я пошла на его зов, оставляя позади свои сомнения.

Когда я приблизилась к воде, я увидела рыб. Они не просто плавали — они *танцевали*. Три хоровода разного цвета кружились в едином ритме, и я заворожённо следила за ними, чувствуя, как моё дыхание замедляется, подстраиваясь под этот танец. Золотые рыбки двигались синхронно, как будто их вела одна невидимая нить. Изумрудные скользили чуть быстрее, создавая контраст, их чешуя вспыхивала на солнце, как тысячи крошечных изумрудов. А бирюзовые замыкали круг, переливаясь так ярко, что от них исходил собственный мягкий свет. Мне казалось, что я вижу не просто рыб, а души, которые тоже когда-то жили, любили и танцевали под этим небом. Я задержала дыхание, боясь спугнуть этот узор. И вдруг одна из бирюзовых

отделилась от хоровода и подплыла ко мне, остановилась прямо у моих ног, будто рассматривая меня. Она замерла на мгновение, а потом, легко вильнув хвостом, вернулась в свой круг. Я улыбнулась — это было приветствие, я чувствовала это. В этот момент я поняла, что этот мир *живой*, и он смотрит на меня так же внимательно, как я на него.

Мелодия дудука становилась всё громче, и я, подчиняясь ей, продолжила свой путь. Песок под ногами был нежным и гладким — таким нежным, что я почти не чувствовала его, только приятное тепло, поднимающееся к щиколоткам. Я шла босиком, и каждый шаг оставлял на песке едва заметный след, который тут же исчезал, словно песок затягивал мои отпечатки, не желая хранить память о моём присутствии.

Вдоль берега росли деревья цвета сирени, их кроны казались пушистыми облаками, и от них исходил аромат — смесь мёда, ванили и чего-то неуловимо знакомого. Я остановилась, чтобы вдохнуть этот запах, и на миг мне показалось, что я когда-то уже была здесь, в прошлой жизни, и этот запах был частью моего самого счастливого воспоминания. Но что это было — я не могла вспомнить.

Слева от меня, на равном расстоянии друг от друга, стояли огромные жемчужные шары — от маленьких, с мою голову, до гигантских, выше меня в несколько раз. Они были идеально круглыми и переливались так, будто внутри у них горел свет. Я подошла к одному из них и коснулась его поверхности. Она была гладкой и тёплой, и под моими пальцами она пульсировала, словно живая. Я отдернула руку, но шар продолжал мягко светиться, и я поняла, что это не просто декорация — это часть этого мира, такая же живая, как горы и озёра.

Я двинулась дальше, и вскоре песок сменился травой — сочным фиолетово-лиловым лугом, который простирался до самого горизонта, укрытого бледно-розовым туманом. Здесь паслись золоторогие бараны с шерстью цвета солнца. Они мирно щипали траву, и их золотые рога переливались в лучах света, отбрасывая длинные тени. Я остановилась, любуясь этой идиллией, но они, заметив меня, подняли головы и посмотрели в мою сторону. В их взглядах не было испуга, только спокойное любопытство, и я чувствовала, что они знают меня — так же, как знают все здесь.

Когда я ступила на тропу из перламутровой гальки, которая начиналась прямо у края луга, все бараны внезапно выстроились в ряд по обе стороны от неё. Я замерла, не понимая, что происходит. А затем они, один за другим, опустили на передние колени и склонили головы, уткнувшись золотыми рогами в гальку. Это было похоже на поклон, на приветствие, которое оказали мне эти древние существа. Я чувствовала, как по моему телу пробегает дрожь — не от страха, а от благоговения. Тропа начала светиться, испуская розово-голубые лучи с золотым отливом, и я поняла, что она ждёт меня.

Я сделала шаг, и галька под моей ступнёй словно оттолкнулась от земли, паря над травой. Мгновение — и я уже стояла на другом конце луга, на светло-розовом песке, перед густой стеной тумана. Я обернулась — бараны снова мирно паслись, а тропа исчезла, как будто её никогда и не было.

Я перевела дыхание. Сердце билось быстрее, но не от усталости — от удивления. Этот мир не просто менял пространство, он менял моё восприятие. Я уже не была той, кто боится неизвестности. Я чувствовала, что здесь я — не гостья, а часть этого великого замысла.

Я шагнула в туман.

Он был мягким и прохладным, он обволакивал меня, как шёлк, и я слышала только собственное дыхание. Через несколько мгновений туман рассеялся, и передо мной открылся большой светло-розовый пляж на берегу бескрайнего лазурного моря, которое сливалось с небом в единое целое. Горизонт исчез, и я не могла понять, где кончается вода и начинается небо — они были единым бесконечным пространством, заполненным светом.

На пляже было много людей. Все они были молоды — не старше тридцати лет, — и все казались мне удивительно красивыми, стройными, с роскошными волосами, струящимися на ветру. Их лица светились спокойствием, и я ни разу не увидела тени тревоги или сомнения. Они были совершенны — как будто их создал художник, вложивший в каждого свою лучшую мысль.

Они носили белые одежды — простые, но благородные, и двигались они плавно, без суеты. Я заметила, как они приветствуют друг друга улыбками, как обмениваются короткими фразами, и чувствовалось, что между ними нет никакой вражды или напряжения — только взаимное уважение и радость от того, что они вместе.

Многие из них потягивали разноцветные коктейли из прозрачных бокалов, похожих на рожки, через длинные трубочки, скрученные в спирали. Бокалы переливались в солнечных лучах, и напитки в них светились, словно жидкие драгоценные камни.

Вдоль пляжа стояли полупрозрачные купольные шатры, похожие на огромные стеклянные капли. Каждый такой шатёр располагался на круглой платформе из перламутрово-жемчужной гальки, и платформы соединялись извилистыми дорожками из той же гальки, создавая единый архитектурный ансамбль. Между шатрами на равном расстоянии росли фиолетово-сиреневые пальмы, их кроны колыхались, и между ними — небольшие полукруглые ярко-розовые кусты, которые издавали лёгкий сладкий аромат. Я заметила, что внутри каждого шатра что-то происходило: в одном люди сидели на белых массажных лежаках, и их тела парили в невесомости, в другом — уютные комнаты с облачными перинами манили к отдыху, в третьих — люди играли в шахматы, увлечённо склонившись над досками. Я видела, как внутри каждой прозрачной колонны, поддерживающей купол, снизу-вверх поднимались пузыри с напитками, и, вылетая сквозь стены колонн, они разлетались по пляжу. Любой мог взять бокал, а опустошённый поставить обратно в пузырь, и тот уносил его в неведомые глубины.

Некоторые люди купались в море прямо в одежде, но, выходя из воды, они оказывались совершенно сухими, будто вода не имела над ними власти. Я смотрела на это с изумлением, но внутри меня не было желания спрашивать «как» — я просто принимала это, как принимают сон, в котором всё возможно.

Заметив меня, многие улыбались и махали руками. Их улыбки были искренними, и я чувствовала, что здесь я не чужая. Они знали меня, ждали меня — и теперь радовались моему приходу.

Я стояла на берегу, вглядываясь в лица этих людей, и вдруг осознала, что в этом мире я — не та, кем была на Земле. Здесь я — полная противоположность той, кто просыпается по утрам, ходит на работу, ссорится с близкими и переживает о мелочах. Здесь я — часть чего-то большего. Здесь я — целая, настоящая.

И дудук, умолкший на мгновение, снова зазвучал в моей душе.

Ко мне подошли двое юношей и две девушки. Все они были высокими, стройными, с роскошными волосами, одетыми в свободные белые одежды, которые струились на ветру как облака. Они улыбались мне, и в их глазах я читала не просто приветствие — я читала узнавание.

— Рады тебя видеть! — сказал один из них голосом, похожим на бархат.

— Давно ждём.

Я не стала спрашивать, откуда они меня знают. Почему-то это казалось естественным, как будто я всегда знала, что они меня встретят. Я просто улыбнулась в ответ и пошла с ними к берегу, оставляя позади шатры, коктейли и улыбающихся людей.

Я шла, и впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой. Я чувствовала себя дома — хотя этот дом был далеко за пределами всего, что я знала. И в тот момент я поняла, что этот мир — не сон. Он — моя вторая реальность. И я готова принять его таким, какой он есть.

Мы пошли к берегу моря, и я чувствовала, как ветер касается моего лица, принося солёный запах воды и тихий шум прибоя. Это было похоже на танец — я и этот мир, мир, который узнал меня и принял. И я знала, что это только начало.

Глава 2

Мы направились к морю. Вода была настолько прозрачной, что я видела дно — белый песок, редкие водоросли, колыхающиеся от лёгкого течения. Волн не было, и поверхность напоминала стекло, только слегка подрагивающее от солнечных лучей. Я вошла по колено — и вода оказалась тёплой, почти парной, словно кто-то нагрел её до температуры человеческого тела.

— Ты идёшь? — крикнул один из юношей, уже стоя по пояс в воде. Его глаза смеялись, и я чувствовала в его голосе не приказ, а приглашение.

— Иду! — ответила я, и мой голос прозвучал увереннее, чем я ожидала. Он нырнул первым, и его тело исчезло в лазурной глади, не оставив даже кругов. Остальные последовали за ним, и я, на мгновение замешкавшись, бросилась вслед.

Едва я погрузилась, как почувствовала, что тело становится лёгким, почти невесомым. Вода не сопротивлялась мне — наоборот, она словно поддерживала меня, помогала двигаться. Я гребла брассом, и с каждым движением скорость росла. Мои руки рассекали воду, как плавники, и я скользила, точно дельфин, без усилий обгоняя попутные течения. Я чувствовала, как мышцы работают слаженно, как дыхание — ровное, глубокое — насыщает кровь кислородом. Мне не нужно было бороться за воздух, я почти не задыхалась.

Я плыла, и мне казалось, что я могу так плыть вечно. На Земле я никогда не была так свободна в воде. Там я плыла, борясь с усталостью, с холодом, с волнами. Здесь же я чувствовала себя частью этой стихии, и она принимала меня без условий.

Но вскоре мы вошли в узкое ущелье. Стены поднимались так высоко, что солнце почти не проникало внутрь. Вода здесь была ледяной и бурлила, как кипяток. Течение хватало меня за ноги, пытаясь утянуть в сторону острых скал, и я почувствовала, как страх сжимает мою грудь.

— Не бойся! — крикнула мне одна из девушек, проплывая мимо с улыбкой, как будто это течение было ей знакомо. — Дыши ровно!

Я попыталась последовать её совету, но вода бросала меня из стороны в сторону, и я ударилась плечом о выступ скалы. Боль была острой, но короткой, и я поняла, что не могу останавливаться — здесь остановка означала гибель.

Я перешла на кроль, вжала голову в плечи, стараясь стать более обтекаемой. Я чувствовала, как холодная вода обжигает кожу, как мышцы гудят от напряжения, но я не могла остановиться. Спутники плыли синхронно, словно не замечая препятствий, и я видела, что они ждут меня.

— Держись! — услышала я голос — и это был не тот, что раньше. Кто-то из юношей подплыл ко мне ближе, схватил за руку, направляя, и я почувствовала, как его рука крепко сжала мою, придавая мне сил. — Я с тобой!

Я не видела его лица — вода и брызги заливали глаза, — но я знала, что это один из тех, кто встретил меня на берегу. Его рука была уверенной, и я доверилась ей.

Скалы смыкались всё сильнее, и на мгновение мне показалось, что мы попали в ловушку. Но впереди забрезжил свет, и течение внезапно ослабло, как будто ущелье выдохнуло нас наружу.

Мы вынырнули в просторное озеро внутри пещеры. Воздух здесь был прохладным и влажным, и эхо наших голосов разносилось под сводами, отражаясь от стен. Я пришла в себя, перевела дыхание, и только тогда поняла, что мы все были абсолютно сухими — будто и не плавали в ледяной воде.

— Как это возможно? — спросила я, глядя на свои руки.

Одна из девушек, та, что крикнула мне «Дыши ровно», рассмеялась, и её смех звоном разлился по пещере.

— Здесь ты всегда будешь сухой, когда выходишь из воды. Это просто правило.

— Правило? — я растерянно смотрела на неё. — А как же боль от удара о скалу?

— Она уже прошла, — ответила она спокойно. — Здесь раны заживают мгновенно. Мир Нибиру заботится о нас.

Я пошупала своё плечо — боль действительно исчезла, только лёгкое тепло напоминало о недавнем ударе. Я ощутила удивительное чувство защищённости, но в то же время и новую загадку.

Я оглядела пещеру. Вода в озере была серо-синей и неподвижной, как в глубоком колодце. Только в центре, где мы остановились, она светилась изнутри ярким синим светом — будто на дне горел огромный прожектор. С потолка свисали сталактиты, переливающиеся всеми цветами радуги. Они походили на застывшие струи света, и с их кончиков срывались капли, которые, падая в озеро, превращались в синие искры и гасли на дне. Этот процесс был завораживающим — каждый удар капли рождал новую вспышку, и я смотрела на это, чувствуя, как в душе закипает покой.

— Нам нужно нырять, — сказала девушка, и её голос стал серьёзным. — Там, внизу, начинается ваш путь.

— Мой путь? — переспросила я.

Она кивнула, и в её глазах я прочитала что-то, похожее на сочувствие. Не страх, а понимание того, что меня ждёт нечто большее, чем я могу представить.

— Мы не можем пойти с тобой дальше, — добавил один из юношей. — Ты должна пройти этот путь одна. Но мы будем здесь, когда ты вернёшься.

Я хотела спросить, что значит «вернёшься», но слова застряли в горле. Вместо этого я почувствовала, как они все смотрят на меня — молча, но с такой силой, что я поняла: они говорят со мной беззвучно, передавая мне свою веру. Я не слышала слов, но чувствовала их смысл: «Ты справишься. Ты уже была здесь раньше. Просто вспомни.»

И я поняла, что они правы. Я знала этот путь, хотя никогда не проходила его. Или, может быть, проходила много раз — просто забыла.

Я глубоко вздохнула, набрала побольше воздуха, хотя знала, что он мне не понадобится, и нырнула.

Вода вокруг меня была тёплой и мягкой, я открыла глаза и увидела тонкий жёлтый луч света, который тянулся откуда-то из глубины, как туннель. Он изгибался, пульсировал, и я поплыла за ним. Я удивилась, что могу дышать под водой — лёгкие работали свободно, без боли, и это казалось таким естественным, что я не стала искать объяснений. Я просто плыла.

Свет вёл меня, и я следовала за ним, скользя в тишине. Я видела стены туннеля, которые были сделаны из гладкого чёрного камня, и на них иногда проступали письмена, которых я не могла прочитать. Они были древними, нечеловеческими, и я чувствовала, что они хранят знания, которые пока недоступны мне.

В конце концов свет устремился вверх, к поверхности, и я вынырнула в другом мире.

Небо было розово-малиновым — закат, хотя я понятия не имела, сколько времени прошло. Вода вокруг меня переливалась теми же оттенками, и я не могла понять, где кончается море и начинается небо — они сливались воедино, создавая ощущение бесконечности.

Неподалёку возвышалась ледяная скала, похожая на усечённый конус, полупрозрачная, как хрусталь. Я не могла налюбоваться ею — её поверхность переливалась в закатных лучах, и казалось, что она светится изнутри, пылая мягким холодным светом. На её вершине пульсировало изумрудно-фиолетовое сияние, и оно притягивало меня, как маяк.

Я подплыла к скале. На склоне виднелась лестница, вырезанная прямо во льду — такая же прозрачная и скользкая. Я ступила на первую ступень, и мои подошвы заскользили. Я ухватилась за перила из того же льда и, к своему удивлению, почувствовала, что они тёплые. Я сделала ещё шаг, и ещё, ощущая, как моё тело покрывается сухой, тёплой поверхностью — я снова была абсолютно сухой.

— Почему вы не пошли со мной? — спросила я вслух, хотя знала, что они далеко.

В ответ — только тишина и лёгкий ветер, который касался моих щёк.

Я поднималась. Моя белая одежда, смоченная морской водой, медленно светлела, превращаясь в длинный серебряный плащ, который струился за моей спиной, хотя ветра не было. Чем выше я поднималась, тем ярче переливался этот плащ, словно в нём отражался сам закат, и каждый шаг добавлял ему блеска.

Впереди, над краем скалы, уже угадывалась широкая площадка. Гул голосов доносился сверху, но слов я не различала — только гул, похожий на шум прибоя или далёкий гром. Сердце билось чаще — не от страха, а от предвкушения. Я знала, что за этим подъёмом нас ждёт нечто важное — то, ради чего я оказалась здесь.

— Мы почти на месте, — произнёс мой спутник, который остался со мной у подножия скалы, — его голос донёсся до меня, хотя я не видела его. — Помни: ты — не просто гостья. Ты — часть этого.

Я кивнула, хотя он не мог меня видеть, и переступила последнюю ступень.

Передо мной открылась вершина скалы. И я поняла, что всё только начинается.

Глава 3

Я переступила последнюю ступень и оказалась на вершине скалы. Она была огромной чашей — словно древний амфитеатр, вырезанный во льду, но не для зрелищ, а для суда. Вместо зрительских мест по краям стояла узкая смотровая площадка, где уже теснились люди в серебряных плащах. Они не обернулись на меня — их взгляды были прикованы к центру чаши, где происходило нечто, от чего у меня мурашки побежали по коже.

Я встала рядом с ними и выдохнула. Сердце билось часто, но я старалась дышать ровно, чтобы не выдать своего волнения. Эти люди стояли неподвижно, как статуи, и казалось, что они не дышат. Их спокойствие было почти пугающим — они были свидетелями, но не участниками. Или участниками, но без эмоций.

Внутри чаши, на прозрачном полу-арене, царил полумрак. Посередине возвышался невысокий цилиндрический подиум, на котором стояла фигура в золотом хитоне. Капюшон скрывал лицо, но я чувствовала его взгляд — тяжёлый, всепроникающий, словно он видел не только моё тело, но и каждую мою мысль. Он смотрел сквозь всех нас, и мне казалось, что его взгляд прожигает пространство.

Вокруг подиума, на равном расстоянии друг от друга, стояли люди в серебряных плащах, тоже с капюшонами. Между ними и центровым, чуть выше голов, медленно вращался большой голубой шар. Он походил на глобус, но был прозрачным, и внутри него двигались огни, как живые созвездия — крошечные точки света, которые пульсировали в такт невидимому ритму.

Шар скользил по кругу, переходя от одного человека к другому. Когда он приближался к кому-то из них, его поверхность загоралась, высвечивая участок суши. Человек всматривался и называл вслух:

— Стамбул.

Центровой не повышал голоса, но его бас разносился под сводами чаши, как гром:

— Притхви.

Арена под ногами дрогнула. Прозрачный лёд потемнел, и по нему поползли тёмно-коричневые трещины, напоминая оползни. Земля закрипела, застонала. Я вцепилась в край площадки, чувствуя, как вибрация передаётся в мои пальцы. Где-то там, на Земле, в этот момент рушились дома, гибли люди, и я чувствовала их боль — острую, как лезвие.

— Это... война? — прошептала я, но никто не ответил.

Шар двинулся дальше. Остановился у следующего человека.

— Кабул, — сказал тот.

— Джалам, — ответил центровой.

В тот же миг пол под нами всколыхнулся, и из него хлынула вода — бело-голубая, пенящаяся, смешанная с грязью. Она ударила в стены чаши и поднялась почти до наших ног, обдав нас холодными брызгами. Я отшатнулась, но брызги исчезли, будто их и не было, а вода закружилась внизу, продолжая наступать. Я видела, как она поднимается, как затапливает всё на своём пути, и я слышала крики — тысячи криков, которые смешивались с рёвом воды.

Я закрыла глаза на мгновение и увидела улицы Кабула, залитые грязью, людей, цепляющихся за обломки, детей, которых уносит течение. Это было так реально, что я почувствовала, как тошнота подступает к горлу.

Шар подплыл к третьему человеку.

— Камчатка, — услышала я.

— Агни.

В ту же секунду площадка стала раскалённой. Под моими босыми ступнями заплясали алые языки пламени — они лизали лёд, но не плавили его. Воздух наполнился треском и

жаром, и я отступила назад, прижимаясь к плечу соседа. Он стоял неподвижно, словно огонь его не касался, и я завидовала его невозмутимости.

Я видела, как огонь пожирает леса, как гибнут животные, как пламя поднимается к небу, оставляя за собой только пепел. Я чувствовала запах гари, хотя он был лишь в моей голове.

— Зачем вы это делаете? — спросила я шёпотом, но меня не услышали. Или не захотели услышать.

Шар продолжал свой путь. Города и стихии сменяли друг друга. Где-то поднимались ураганы — я слышала свист ветра и видела, как песчаные вихри врезаются в стены чаши. Где-то земля разверзалась, и из глубин доносился гул, от которого у меня закладывало уши. Люди вокруг стояли молча, но я дрожала всем телом — не от холода, а от осознания: каждый названный город — это чья-то гибель. Это не игра, не представление. Это приговор.

Я вспомнила Землю — ту, которую я любила. Её горы, её океаны, её людей. И теперь я видела, как её убивают здесь, в этом холодном амфитеатре, где судьи не моргая выносят смертные приговоры.

Но когда шар высветил очередную точку, центральной в золотом хитоне закричал:
— Акаш!

Небо над чашей почернело, хотя секунду назад было закатным. Гром ударил так близко, что я оглохла на мгновение. Молния расколола небо пополам и вонзилась в арену — прямо между шаром и центровой. Затем ещё одна, и ещё. Три молнии ударили в одну точку, и центральной вытянул руку, перехватив одну из них, как струну.

Она заискрилась в его пальцах, извиваясь, живая. Он натянул её, словно тетиву, и она послушно скользнула в его ладонь. Теперь молнии плясали вокруг него, как змеи, и он управлял ими, заставляя их обвивать пространство, не касаясь шара-«Земли», но опасно близко. Их свет был ослепительным, и я зажмурилась, но даже сквозь веки видела их пульсацию.

Гром грохотал снова и снова. Небо заливало белым светом, и вдруг — оно начало расходиться. Словно кто-то распахивал огромную шкатулку, открывая неизведанное. Поток света хлынул сверху, такой яркий, что я зажмурилась, прикрывая лицо руками.

Свет пронзил меня насквозь.

Я перестала слышать гром, перестала чувствовать жар и холод. Вокруг воцарилась тишина — такая полная, что я испугалась, что оглохла. Мои мысли исчезли, осталось только белое сияние, и я растворилась в нём, потеряв ориентацию в пространстве.

А потом — ничего. Пустота.

Но в этой пустоте я слышала свой голос — тихий, но отчётливый:

— Я выживу. Я должна выжить.

И пустота ответила мне молчанием, в котором я почувствовала согласие.

Глава 4

Я открыла глаза.

Свет был мягким, рассеянным, словно я лежала внутри огромного яйца. Белые вогнутые стены плавно перетекали в потолок, не оставляя ни одного угла — ни одной точки, за которую мог бы зацепиться взгляд. Это пространство было создано для покоя, для восстановления, и я чувствовала, как мои мышцы расслабляются, как дыхание становится глубже, ровнее.

Но один предмет нарушал эту стерильную белизну. Высокий шкаф цвета тёплого апельсина стоял напротив меня, и его дверцы были причудливо изогнуты, словно их вырезали из коралла. Самая большая дверца — круглая, почти два метра в диаметре — оказалась приоткрыта, выпуская голубоватое сияние, в котором танцевали серебряные искры. Они струились, как живой туман, и каждая вспыхивала и гасла, словно крошечная звезда, рождающаяся и умирающая за мгновение.

Я лежала на овальном диване, мягком и прохладном, похожем на облако, застывшее в форме. Я провела рукой по его поверхности — она была гладкой, но под пальцами я чувствовала лёгкую пульсацию, словно диван дышал в такт с моим сердцем. Комната была наполнена вещами, которые я уже видела раньше: стеклянные полки, напоминающие бобы, висели под высокими окнами-глазами, пропускавшими рассеянный солнечный свет, и всё это вместе создавало странное, почти нерукотворное чувство — будто я оказалась внутри живого организма, который принял меня в своё тело.

Но оранжевый шкаф выделялся среди этого спокойствия. Он казался тёплым, почти родным, и меня тянуло к нему с необъяснимой силой. Я поднялась, чувствуя, как пол слегка пружинит под ногами, подошла к нему и заглянула в приоткрытую дверцу.

Оттуда струился свет, и в глубине его мерцала серебряная пыль. Меня потянуло вперёд с такой силой, что я не успела испугаться — просто шагнула внутрь, отпустив контроль над своим телом.

Коридор за дверцей оказался длинной изогнутой трубой. Как только я переступила порог, он засветился радугой, и меня подхватил поток — плавный, но стремительный. Я скользила, извиваясь вместе с ним, то взлетая, то ныряя вниз, и слышала влажное бульканье, похожее на кипение. Стенки коридора были полупрозрачными, и я видела, как за ними проносятся разноцветные огни, как в глубине мелькают силуэты — может быть, другие души, может быть, просто игра света. Впереди разгорался белый свет, и я поняла, что приближаюсь к выходу.

Коридор исчез, и я оказалась в центре огромного стеклянного шара, парящего в фиолетово-лавандовом небе. Вокруг, бесчисленными рядами, висели такие же пузыри — большие, белые, похожие на гимнастические мячи, но я чувствовала, что внутри каждого из них тоже есть кто-то. Я стояла одна в этой бесконечности, и сердце забилося чаще, ноги ослабли, но за спиной бесшумно возникло кресло — полупрозрачное, мягкое, как зефир. Я опустилась в него, и оно обняло меня, успокаивая. Его поверхность была тёплой, и я чувствовала, как тепло разливается по спине, снимая напряжение. Я смотрела вдаль. Между рядами пузырей приближался тёмный объект — серо-сине-зелёный, с прожилками облаков. Я поняла: не он летит ко мне, а мы — все эти пузыри — движемся к нему. На мгновение мне показалось, что я вижу в соседнем пузыре силуэт человека, который машет мне рукой. Я моргнула — и он исчез. Но мысль о том, что я не одна, согрела меня, и я перестала чувствовать одиночество.

Объект рос, занимая собой всё небо. Фиолетовый цвет перешёл в индиго, и вдруг пространство вокруг нас рассыпалось на звёзды. Мы пролетали мимо гигантских светил — белых, оранжевых, голубых, красных. От белых звёзд исходил холодный свет, оранжевые дышали жаром, а голубые казались ледяными, и я чувствовала их тепло и холод сквозь стены шара. Одна из звёзд, оранжевая и огромная, пронеслась так близко, что я видела, как её поверхность

бурлит, как на ней взрываются протуберанцы, и мне на мгновение стало страшно — но шар оставался прохладным, а кресло нежно обдувало меня ветерком.

Скорость росла. Звёзды вытянулись в линии, превратившись в тоннель, и я закрыла глаза, чтобы не потерять сознание от этого потока. А когда открыла их — в конце тоннеля возникла Земля.

Я замерла. Она была прекрасна — голубая, с зелёными и коричневыми пятнами, окутанная белой дымкой атмосферы. Рядом с ней плыла Луна, серая и неровная, а вдалеке танцевали астероиды, их тени скользили по её поверхности. Я смотрела на неё, и сердце наполнилось тоской и любовью. Это была моя планета, мой дом, и я возвращалась к ней после долгого путешествия.

Мы приближались, и я ощущала смену температур: то жар, то холод, снова жар — прохождение через слои атмосферы. Пузыри вокруг меня шипели, краснели, скрежетали, и я слышала, как их стенки вибрируют от трения о воздух. На мгновение мне показалось, что я сгорю, но шар выдержал. Мы проскользнули сквозь белый туман тропопаузы, и я оказалась одна в чистом голубом небе.

Я больше не видела своего тела. Я стала лёгкой, почти прозрачной, но мои чувства обострились. Я неслась над океаном, над зелёными островами, над горами и водопадами. Всё было первозданно — ни городов, ни людей, ни животных. Только леса, реки, скалы и бескрайние луга. Ничто не напоминало о цивилизации. Я кружила над этим раем, чувствуя неземной восторг. Я видела китов, выпрыгивающих из воды, стаи птиц, летящих клином, и мне казалось, что я смотрю на Землю такой, какой она была до появления человека — чистой, дикой, совершенной.

Но вдруг небо почернело, и грянул гром. Молния пронзила воздух, и начался ливень. Затем град, затем — огненные шары. Метеориты падали на землю, оставляя за собой дымные хвосты. Океан вскипел, горы содрогнулись, пламя пожрало леса. Я видела, как земля разверзается, как лава вырывается из недр, как гибнут деревья, и я слышала их крик — беззвучный, но отчётливый. Я парила сквозь этот ад, не ощущая боли, но видя гибель всего, что было прекрасным. Это был Апокалипсис.

— Нет! — крикнула я, хотя моего голоса никто не услышал. — Не дайте ей погибнуть!

Красное зарево поглотило небо, земля уходила из-под ног, и я потеряла ориентацию. Я закрыла глаза, чтобы не видеть этой картины, и в тот же миг всё исчезло.

А потом — тишина.

Я снова стояла в знакомой яйцевидной комнате, перед оранжевым шкафом. Внутри него, на чёрном фоне, медленно вращалась планета — красно-сине-серая, с разводами облаков. Но краски на ней менялись: красное уступало синему, появлялись белые линии. Земля исцелялась, сбрасывала раны и уменьшалась, удаляясь в глубину шкафа. Звёзды выстраивались в спираль, Млечный Путь закручивался воронкой, унося планету в неведомые дали.

Я смотрела на это и чувствовала, как в груди зарождается надежда. Она не погибла. Она перерождается. Как и я.

Я закрыла дверцу, сделала глубокий вдох и, не оборачиваясь, направилась к выходу из комнаты. Я знала, что впереди ещё много испытаний, но этот миг исцеления Земли дал мне силы идти дальше.

Глава 5

Повернувшись спиной к шкафу, я остановилась, прислушиваясь. Где-то за стенами звучал дудук — та же мелодия, что вела меня в начале пути, но теперь она была тихой, почти прозрачной, как шёпот ветра в листве. Я слышала её отчётливо, и она проникала в грудь, успокаивая меня, словно кто-то невидимый гладил мою душу.

Я оглянулась. Комната переменилась — теперь она была жёлтой, тёплой, солнечной. Диван, стеллажи, даже стены казались чуть теплее, чем прежде, будто их прогрели лучи невидимого солнца. Оранжевый шкаф исчез, на его месте стоял такой же, но лимонного цвета, и его дверцы были плотно закрыты. Я не удивилась — этот мир менял облик так же легко, как я меняла одежду, и я начинала привыкать к этим переменам.

Входная дверь, круглая и полупрозрачная, распахнулась сама, когда я приблизилась. Я перешагнула порог, и она тут же закрылась за мной, отрезая звук дудука. Тишина наступила внезапно, и я услышала только биение своего сердца и шелест ветра в листве.

На улице меня ждал Аполлон. Он стоял в белом хитоне, и его одежда струилась на ветру, как облако. Он улыбался, но в его глазах я видела не просто радость встречи — я видела знание, как будто он уже знал всё, что со мной случилось, и даже то, что ещё произойдёт.

— Я знал, что ты уже здесь, — сказал он, и его голос звучал мягко, но с лёгкой хрипотцой, которая делала его живым. — Пойдём, прогуляемся.

Он протянул мне руку, и я на мгновение замешкалась. Его ладонь была открытой, приглашающей, и я чувствовала, что он не просто ведёт меня — он предлагает мне довериться. Я взяла его за руку, и его пальцы сжали мои — тепло, но не навязчиво.

Я оглянулась на домик, из которого вышла. Он оказался маленькой белой землянкой, почти полностью скрытой под землёй. Только округлая крыша с овальными окнами и дверью виднелась на уровне поверхности. Такие же землянки тянулись вдоль улицы, сверкая в лучах солнца, и между ними росли пушистые кусты лилово-пурпурного цвета. Дорожки из перламутровой гальки вели к широкой аллее, где деревья с пурпурной листвой склонялись друг к другу, образуя зелёный тоннель.

На улице никого не было, кроме нас.

— Почему здесь никого нет? — спросила я, нарушая тишину.

Аполлон остановился, повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был внимательным, почти изучающим.

— Они есть, — ответил он. — Но ты их не видишь. Ты видишь только то, что тебе важно сейчас, остальное исчезает. Это одна из способностей нашего мира — он показывает тебе то, что ты готова воспринять.

— Значит, я не готова видеть других? — спросила я, чувствуя лёгкое разочарование.

— Не совсем, — улыбнулся он. — Просто сейчас тебе важнее быть со мной. Когда придёт время, ты увидишь всех.

Я хотела возразить, но он сжал мою руку и повёл дальше, и я почувствовала, что спорить бессмысленно.

— Как тебя зовут? — спросила я, высвобождая руку, чтобы идти рядом, но чувствуя его тепло всё равно.

— Моё имя состоит из множества звуков, — ответил он, чуть наклонив голову. — Для земного слуха оно почти невыговариваемо. Зови меня Аполлоном. Так проще.

— Аполлон, как древнегреческий бог? — усмехнулась я.

Он рассмеялся — искренне, звонко, и его смех разнёсся по аллее, как музыка.

— Можно и так сказать. Но я не бог, — он посмотрел на меня с хитрым прищуром. — Я просто хранитель знаний. И твой проводник.

— А кто ты на самом деле? — не унималась я.

Он слегка нахмурился, но тут же улыбнулся, и его лицо стало задумчивым.

— Мы те, кто штопает Вселенную, когда она рвётся по швам. Называй нас Ведунами — так проще. Мы храним знания и магическую силу, генерируем энергию и контролируем порядок. И ты, — он остановился и посмотрел мне прямо в глаза, — одна из нас. Ты уже была здесь раньше, в других жизнях. Со временем ты всё вспомнишь.

Его слова прозвучали спокойно, но внутри меня что-то дрогнуло — не от страха, а от внезапного узнавания. Я почувствовала, что они правдивы, не потому что я поверила, а потому что они отозвались в моей душе эхом давно забытого.

Мы шли по аллее. Босые ноги касались гладких перламутровых камней, оставляя светящиеся следы, которые гасли через мгновение. Деревья склонялись над нами, пропуская лишь тонкие лучи солнца, и я вдыхала воздух, пахнувший мёдом и цветами. В этом запахе было что-то успокаивающее, и я чувствовала, как моё напряжение уходит, как мышцы расслабляются, а дыхание становится ровнее.

— Зачем вы контролируете мир? — спросила я, когда мы вышли на открытое пространство.

— Чтобы хаос не разрушил его, — ответил Аполлон. — Мы поддерживаем равновесие между силами, заботимся о цивилизациях. Вселенная — живой организм, и каждая её часть важна. Если нарушить баланс, всё рухнет.

— Как люди на Земле нарушают баланс?

Он вздохнул, и я заметила, как его лицо стало серьезнее.

— Они делают это постоянно. Войны, загрязнение, жадность — это всё разрывает ткань мироздания. Мы вмешиваемся, когда это становится критическим. Но мы не можем спасти всех — только направлять.

— И поэтому вы показываете мне суды над городами? — спросила я, вспоминая ледяную чашу.

Он кивнул.

— Ты должна понять цену равновесия. И свою роль в нём.

Мы вышли к райскому саду, и я замерла, поражённая его красотой. Деревья здесь не походили друг на друга — их кроны переливались всеми оттенками фиолетового и золотого, и они тянулись к небу, как руки молящихся. Цветы не просто стояли — они покачивались в такт неслышной мелодии, их лепестки переливались, как драгоценные камни. По траве бегали светящиеся птицы размером с ладонь — они надувались до размеров мяча и с шипением сдувались, издавая нежные булькающие звуки, которые сливались с шелестом листьев. Из кустов выглядывали смешные мордочки животных, похожих на маленьких мопсов, они меняли цвет, сливаясь с растениями. Я остановилась, наблюдая за ними, и чувствовала, как улыбка расплывается на моём лице.

— Они наблюдают за нами, — сказал Аполлон, кивая на животных. — Они знают, что ты пришла.

— Они меня боятся? — спросила я.

— Нет. Они любопытны. Им редко удаётся увидеть новую душу.

Мы прошли сквозь серебряную рощу и остановились перед огромными золотыми скалами. Они пульсировали, словно дышали, и их отражения плыли по небу, создавая иллюзию движения.

— Это вход в Пантеон, — сказал Аполлон. — Там хранятся знания, доступные только избранным. Но сначала ты должна увидеть кое-что другое. Он провёл меня в ущелье, и скалы раздвинулись, открывая бескрайнее светлое пространство. Внутри не было ни пола, ни стен — только сияющие нити, которые переплетались, меняли цвет, пульсировали, как живые вены.

— Нити судьбы, — пояснил Аполлон. — Каждая — чья-то жизнь. Их энергией питается наш Пантеон.

— Мы можем заглянуть в любую жизнь? — спросила я, с благоговением глядя на это переплетение.

— Да, — ответил он. — Но будь осторожна. То, что ты увидишь, может изменить тебя. Я протянула руку и коснулась одной из нитей.

В тот же миг я оказалась в маленькой тёмной комнате. На кровати рыдала девочка лет пятнадцати — худая, бледная, с растрёпанными волосами. Я видела её жизнь — как отец избивал её, мать оскорбляла, а парень, которому она доверилась, предал и выставил на посмешище. Теперь она лежала и думала о смерти.

Я хотела обнять её, но Аполлон сказал, что она нас не видит.

— Она на распутье, — произнёс он. — Если выживет — будет счастлива, станет матерью великого учёного. Если нет — исчезнет навсегда.

— Неужели мы не можем помочь ей? — спросила я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу.

— Мы уже помогли, когда создали эти нити, — ответил он. — Теперь выбор за ней.

Девочка вдруг села, вытерла слёзы, собрала вещи и выбежала из дома. Я почувствовала, как в груди разливается облегчение.

— Она сделала правильный выбор, — сказал Аполлон, и мы снова оказались в пространстве нитей.

Я случайно задела другую нить — и очутилась во дворе пятиэтажек. Молодой парень, Алексей, шёл с друзьями, смеялся. Я видела его семью — маму и сестру, которых он любил. Вечером он полез в горящий дом спасать чужих детей. Я видела, как он вытащил одного, второго, а потом вернулся за третьим. Внутри ему явился призрак отца — пожарного, погибшего восемь лет назад. Отец указал путь, и Алексей спас младенца, но сам погиб от ожогов.

— Зачем? — прошептала я. — Он был таким молодым.

— Он спас будущего гениального программиста, хирурга и многодетную мать, — ответил Аполлон. — Его миссия была геройской смертью ради других. Для нас он тоже важен — на него уже есть планы в иных мирах.

— А как же его мама и сестра?

— У них свои планы. Они справятся.

Я смотрела на ночное небо, где зажглась Красная Луна. Она была огромной, пульсирующей, и она тянула меня к себе, как магнит. Я чувствовала, как моё тело поднимается, оставляя землю и людей позади.

— Аполлон, мне страшно, — сказала я, но он уже исчез, и я осталась одна в лунном свете.

Сопrotивляться не было сил. Я утонула в сиянии, и вокруг сгустился синий туман, унося меня в неизведанное.

Глава 6

Туман сгустился до синевы, и я перестала различать, где верх, где низ. Он окутал меня плотным коконом, тёплым и влажным, и я позволила себя нести, не сопротивляясь. Звать Аполлона не было смысла — он исчез вместе со светом, и я осталась одна в этой молочной бесконечности. Я закрыла глаза и позволила туману унести меня.

Когда он начал редеть, я обнаружила, что стою на вершине холма. Передо мной расстился райский сад, который я видела с Аполлоном, но теперь он казался иным — более настоящим, более живым. В ярко-синем небе сияли два одинаковых солнца, и их лучи, смешиваясь, давали нежный золотистый свет, который ложился на всё вокруг, как бархатное покрывало.

Внизу, на сочной зелёной траве, паслись белоснежные олени с золотыми рогами, которые переливались на солнце. Между кустами мелькали пушистые розовые существа с серебряными крыльями, они напоминали сахарную вату на четырёх лапках, и их крылышки походили на заячьи уши. Они суетились, перелетая с места на место, и их изумрудные глаза сверкали, как драгоценные камни.

Я замерла, вглядываясь вдаль. Оттуда, со стороны золотых скал, приближалась тень. Она росла, и вскоре я различила белого пегаса с всадником. Ветер от его крыльев взметнул траву, олени подняли головы, но не побежали — они замерли, наблюдая.

Пегас приземлился рядом, и я почувствовала, как земля слегка дрогнула под его копытами. Его крылья были огромными, белоснежными, и они сверкали в лучах солнца, как снег. Его грива развевалась на ветру, и каждая её прядь искрилась серебром.

— Садись, — сказал Аполлон, протягивая мне руку. — Нам пора.

Я вскочила на спину пегаса, усаживаясь впереди Аполлона. Шкура пегаса была тёплой и гладкой, и я чувствовала, как его мышцы перекачиваются подо мной, готовые к движению. Пегас взмахнул крыльями, и мы оторвались от земли так стремительно, что у меня перехватило дыхание. Я вцепилась в его гриву, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как он раздувает мои волосы, как холодный воздух наполняет мои лёгкие.

Мы летели высоко, почти касаясь облаков, и серебряная пыль струилась за нами, оставляя светящийся след. Я смотрела вниз, на сад, который становился всё меньше, на оленей, которые казались теперь крошечными белыми точками, и чувствовала, как восторг наполняет мою душу. Я никогда не летала так высоко — даже в самых смелых мечтах.

— Держись крепче! — крикнул Аполлон, и я почувствовала, как пегас начинает снижаться.

Внизу, среди белого песка, стояли два огромных существа. Их тела были львиными — мощными, мускулистыми, а головы — человеческими. На головах сверкали золотые клафты, расшитые узорами, а миндалевидные глаза смотрели на нас с древней мудростью, которая, казалось, пронизывала время.

— Сфинксы, — произнёс Аполлон. — Они хранят знания веков. Садись на одного.

Я не успела испугаться — пегас коснулся земли, и я спустилась, чувствуя, как песок хрустит под ногами. Один из Сфинксов подошёл ко мне, его движение было бесшумным, как у большой кошки. Он опустился на колени, приглашая сесть. Я вскочила на него, чувствуя, как его шкура пульсирует теплом, как подо мной перекачиваются мощные мышцы.

Мы понеслись по пустыне. Ветер раздувал мои волосы, и я вцепилась в гриву Сфинкса, пытаясь не думать о том, куда мы мчимся. Глаза Сфинкса светились таинственным светом, и я чувствовала, как его древняя сила пронизывает меня, вселяя одновременно страх и доверие.

Вскоре перед нами показались три огромные пирамиды, облицованные белоснежными блоками. Они стояли на равном расстоянии друг от друга, и из вершин каждой бил мощный поток розово-зелёного света, пронзая небо и уходя в бесконечность. Их стены были покрыты

иероглифами, которые пульсировали, как живые. Я чувствовала, как от них исходит жар, как воздух становится плотным, почти осязаемым.

Сфинксы замедлили ход, и мы проехали вдоль пирамид. Я зажмурилась, стараясь не смотреть на ослепительное сияние, но даже сквозь веки видела, как иероглифы переливаются огненными линиями.

— Не бойся, — услышала я голос Аполлона. — Они не причинят тебе вреда. Ты — одна из нас.

Я открыла глаза и увидела, что мы проехали последнюю пирамиду. Шёпот стих, и наступила тишина — только эхо шагов Сфинкса растворилось в белоснежной пустоте.

Наконец пирамиды остались позади, и мы оказались перед огромной белой аркой. Она светилась, и в её проёме переливались золотые ворота — ажурные, но массивные, они казались сплетёнными из солнечных лучей.

— Врата, — сказал Аполлон, спрыгивая с Сфинкса. — Нам нужно пройти через них.

Сфинксы замерли, превратившись в каменные статуи. Их глаза погасли, и они застыли навсегда — или до тех пор, пока кто-то снова не позовёт их.

Я подошла к арке. Она была огромной, и я чувствовала, как от неё исходит сила — древняя, могущественная, почти невыносимая. Я хотела обойти её, но Аполлон взял меня за руку.

— Не бойся, — сказал он, и его голос был спокоен. — Держись за меня крепко. Что бы ни случилось, не отпускай.

Мы шагнули к воротам. Они распахнулись, приглашая нас, и я ступила в их проём. Воздух стал вязким, тягучим, словно мёд, и я чувствовала, как пространство сжимается, пытаюсь вытолкнуть нас обратно. Каждый шаг давался с трудом, я чувствовала, что мои ноги тяжелеют, а дыхание становится прерывистым. Я сжала руку Аполлона, чувствуя, что мои пальцы немеют, но не отпускала.

— Иди, не останавливайся, — шепнул он. — Мы почти прошли.

Я шагнула вперёд, и пространство вокруг меня начало искажаться. Я чувствовала, как моё тело растворяется в атмосфере, как теряю свои очертания. На мгновение мне показалось, что меня больше нет, что я стала частью этого света, этого ветра, этой вечности.

Но Аполлон держал меня.

Мы сделали последний шаг, и ворота захлопнулись за нами. Мы оказались в абсолютной темноте.

Тишина была такой полной, что я слышала биение собственного сердца.

Но Аполлон был рядом, и его рука всё ещё сжимала мою.

— Мы прошли, — сказал он. — Теперь нас ждёт чистилище. Я глубоко вздохнула и сжала его руку в ответ.

— Я готова, — сказала я, хотя внутри всё сжималось от страха.

Но я знала: я должна идти. Ради Земли. Ради тех, кого я люблю. Ради себя.

Глава 7

Врата захлопнулись за нами, и мир исчез.

Темнота была абсолютной — не просто ночной, а той, что сжимает лёгкие и заставляет сердце биться быстрее. Она была живой, осязаемой, и я чувствовала, как она касается моей кожи, как она проникает внутрь меня, заполняя каждую клетку. Я слышала только своё дыхание — прерывистое, частое, — и шёпот Аполлона, который всё ещё держал меня за руку.

— Тихо, — сказал он, и его голос был тёплым островком в этом холоде.

— Мы вместе. Я не отпущу тебя.

Я вцепилась в его ладонь, чувствуя, что без неё провалюсь в пустоту. Мои пальцы дрожали, и я сжимала их так сильно, что ногти впивались в кожу. Я боялась закрыть глаза, но и открывать их не было смысла — тьма была абсолютной, и мои веки не могли изменить этого.

И вдруг тьма начала рассеиваться — не светом, а каким-то серым, болезненным сумеречным свечением. Оно было похоже на предрассветные сумерки, когда солнце ещё не взошло, но ночь уже отступила. Только здесь не было надежды на рассвет.

Я стояла посреди пустыни. Песок под ногами был тёмно-серым, почти чёрным, и он хрустел, как пепел. Каждый шаг оставлял на нём следы, которые тут же исчезали, словно песок засасывал их в себя. Я наклонилась и провела по нему рукой — он был сухим и грубым, он царапал кожу, и от него пахло металлом и чем-то горелым.

Вдалеке, на фоне свинцового неба, я увидела две огромные конусообразные мельницы. Они висели в воздухе, обращённые друг к другу, и внутри них медленно вращались шестиконечные звёзды из чёрного металла. Их вращение было тягучим, но мощным, и я чувствовала, как от них исходит вибрация, которая проникает в мои кости.

Звук, который они издавали, был невыносимым — скрежет, визг, трение железа о железо, пронзающее голову насквозь. Я зажала уши, но звук проникал внутрь, заставляя зубы сводить. Я чувствовала, как он вибрирует в моих зубах, в черепе, в каждой косточке. Я застонала, пытаясь заглушить его своим голосом, но он был сильнее.

Я видела, как серая пыль струилась из-под мельниц и ложилась на песок, смешиваясь с ним. Она была мелкой, почти незаметной, но её становилось всё больше, и она оседала на моей коже, платье, волосах.

— Могендовиды, — произнёс Аполлон. Его голос звучал глухо, словно издалека, и я едва различала его слова сквозь этот скрежет. — Щиты Давида. Они перемалывают тех, кто при жизни заслужил проклятие людей. Убийц, насильников, палачей, воров, нечестных правителей. Эта пыль — то, что от них осталось.

Я смотрела на серую взвесь, которая оседала на моей коже, и меня затошнило. Я представила, что эта пыль когда-то была человеком — может быть, кем-то, кто убивал, кто предавал, кто приносил зло. Но теперь она была просто ничем. И она оседала на мне.

— Они же были людьми, — прошептала я, чувствуя, как отвращение поднимается из желудка. — Даже если они делали зло... Неужели они заслужили это?

— Они сами выбрали свой путь, — ответил Аполлон, и в его голосе не было сочувствия. — Каждый из них мог остановиться. Они не остановились.

Я смотрела на мельницы, и я чувствовала, как эта пыль прилипает ко мне, как жирная сажа. Я попыталась стряхнуть её, но она прилипала к пальцам, к лицу, к глазам. Я отчаянно тёрла кожу, но она только размазывалась, оставляя серые разводы.

— Нужно идти, — сказал Аполлон. — Здесь нельзя задерживаться. Чем дольше ты здесь, тем больше пыли оседает на тебе. Она проникает в лёгкие, в кровь, в мысли.

Я хотела спросить, что это значит, но я не могла говорить. Меня душило отвращение, страх, бессилие. Я просто шла, сжимая его руку, стараясь не дышать пылью. Каждый вдох был

мучительным — я чувствовала, как мелкие частицы проникают в мои лёгкие, как они оседают на слизистой, как я начинаю кашлять.

Мельницы скрежетали всё громче, и мне казалось, что их звёзды вот-вот сорвутся с осей и полетят на нас. Я видела, как они крутятся быстрее, как из них вылетают искры, как воздух становится горячим и сухим.

Я побежала. Я не разбирала дороги, я просто бежала, спотыкаясь о песок, задыхаясь от пыли и страха. Аполлон был рядом, но я уже не чувствовала его руки — только бег, только этот бесконечный песок под ногами, только этот ужас, который сжимал мою грудь.

Я бежала туда, где вдали мерцал разноцветный свет, похожий на северное сияние. Он был далёким, почти недостижимым, но я видела его — синий, зелёный, фиолетовый, он переливался и манил меня.

Свет приближался, и я бежала из последних сил. Я чувствовала, как мышцы горят, как слёзы смешиваются с пылью на моих щеках, как сердце колотится с бешеной скоростью. Я бежала, не останавливаясь, пока стены не сомкнулись вокруг меня — я оказалась в туннеле.

Он был чёрным, как смоль, но по его стенам вились спирали крошечных огоньков. Они двигались медленно, по часовой стрелке, и их цвета менялись — от ультрамарина до алого. Голова закружилась, и я схватилась за стену, чувствуя, как меня качает. Огоньки создавали иллюзию движения, и я потеряла ориентацию.

— Не останавливайся, — услышала я голос Аполлона. Он был где-то рядом, но я уже не видела его, только огоньки, которые кружились вокруг меня, ускоряясь. — Иди, пока они не погасли.

Я пошла. Я не знала, куда иду, но я шла. Огоньки ускорялись, и туннель становился длиннее. Я потеряла счёт времени — может, минуты, может, часы. Я чувствовала, как мои ноги становятся свинцовыми, как глаза слипаются, как мысли путаются и разбегаются.

И тогда я поняла, что больше не чувствую страха, холода, усталости. Я будто погрузилась в сон наяву. Огоньки стали размытыми, и я перестала их видеть. Я слышала только своё дыхание — оно становилось всё тише, всё медленнее.

Веки стали тяжёлыми, и я не стала сопротивляться. Я закрыла глаза, чувствуя, как пространство вокруг меня исчезает, как я теряю себя.

В последний момент я услышала шёпот Аполлона, но он был далёким, как будто он прощался:

— Ты справишься. Возвращайся. И я провалилась в пустоту.

Глава 8

Я очнулась на мягком овальном диване, и он обнимал меня, как живой — его поверхность пульсировала в такт моему дыханию, и я чувствовала, как тепло разливается по телу, снимая напряжение. Комната была знакомой — яйцевидные стены, высокие окна-глаза, пропускающие рассеянный свет, — но теперь всё вокруг было лиловым. Диван, стеллажи, даже свет, струящийся сквозь стекло, казался фиолетовым, и это создавало ощущение глубокого покоя, как будто я находилась внутри цветка лаванды.

Где-то за спиной щёлкнула дверца шкафа. Я обернулась и увидела большой вогнутый шкаф цвета тёмной сирени. Одна из его дверей только что закрылась, и я слышала, как за ней что-то затихает — может быть, звук, может быть, свет. Я подошла, дёрнула ручку — заперто. Я приложила ухо к дверце, но внутри была тишина, только лёгкое эхо, которое напоминало о моём недавнем путешествии.

Входная дверь мягко стукнула, и я вздрогнула. Кто-то стоял за ней, я чувствовала это кожей. Я подошла, попыталась открыть — заклинило. Сердце забилося чаще, но вдруг с улицы донёлся знакомый звук — дудук. Его мелодия была тихой, почти успокаивающей, и она проникала в комнату, разгоняя тени. Комната наполнилась солнечным светом, и я почувствовала, как страх отпускает меня.

Дверь распахнулась сама. На пороге стоял Аполлон, улыбающийся и спокойный, будто не было ни серой пустыни, ни скрежета мельниц, ни моего падения в бездну. Он стоял, и его белый хитон струился на ветру, как облако, а в глазах танцевали золотистые искры.

— Ну, снова здравствуй, — сказал он и протянул руку. Его голос звучал мягко, как шёпот, и я почувствовала, как внутри меня поднимается волна облегчения.

Я не сдержалась и бросилась ему на шею. Мои руки обвились вокруг него, и я прижалась к его груди, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Я не плакала, но внутри всё дрожало от напряжения. Он мягко отстранил меня, заглянул в глаза:

— Продолжим путешествие?

— Аполлон, можно я останусь здесь? — попросила я, и мой голос дрогнул. — Мне страшно идти дальше. Я видела столько боли...

Он взял мою руку и сжал её так крепко, что я почувствовала его тепло, его силу. Его пальцы обвились вокруг моих, и я поняла, что он не отпустит меня.

— Со мной ничего не бойся, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я буду с тобой до конца. Я не оставляю тебя.

Мы вышли наружу. Солнце светило ярко, воздух был свежим и прохладным, и я вдыхала его полной грудью, чувствуя, как он очищает мои лёгкие от серой пыли. Тропинка, по которой мы шли, была выложена жемчугом, переливающимся в лучах света. Каждый камень был идеально круглым, и я видела в нём своё отражение — слегка искажённое, но узнаваемое.

Тропинка извивалась, петляла, и я заметила, что вокруг по-прежнему нет других людей — только странные животные и яркие птицы. Я видела, как вдалеке пасётся стадо оленей, как их золотые рога сверкают, как между кустами мелькают пушистые зверьки с серебряными крыльями. Я улыбнулась им, и один из них подбежал ближе, посмотрел на меня своими изумрудными глазами, а потом скрылся в зарослях.

Тропа привела нас к лавандовой поляне. Через неё текла неширокая река, и её вода была такого же цвета, как небо — нежно-голубая, прозрачная, и я видела, как в её глубине колышутся водоросли, как мелкие рыбки играют в лучах света. Над рекой выгибался кристальный мост. Он был идеально гладким, и его поверхность переливалась в лучах солнца, рассыпая тысячи радужных искр. Перила были инкрустированы драгоценными камнями, и каждый камень преломлял свет, создавая завораживающий эффект.

За рекой возвышалось гигантское здание из зеркального камня. Оно отражало небо и поляну, и я не могла понять, где кончается реальность и начинается отражение. Здание было многокупольным, и каждый купол переливался, как живой.

— Главный пантеон, — сказал Аполлон.

Мы ступили на мост. Его поверхность была гладкой и прохладной, и я видела сквозь неё воду — золотые рыбки плыли небольшими стайками вниз по течению. Их чешуя переливалась всеми оттенками радуги, и они плыли так медленно, словно время для них остановилось.

— Они красивые, — заметила я, останавливаясь, чтобы посмотреть на них.

— Чистые, — ответил Аполлон.

— Что значит «чистые»?

Он остановился рядом со мной и посмотрел вниз, на золотых рыбок. Его лицо стало серьёзным.

— Они прошли чистилище. Это души, которые завершили свой путь в физическом теле и теперь плывут к распределителю. Их прошлое стёрто, и они готовы к новому началу.

Я повернула голову вверх по течению. Река начиналась у подножия трёх пирамид. Первая была алой и окутанной паром, вторая — ультрамариновой, холодной, с туманом, а третья — белоснежной, заснеженной, от которой исходили тонкие ручейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.